

Источник: Микроистория в литературоведческом исследовании (судьба одного пермского сюжета) // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Вып. 7. Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей). Т. 1. Екатеринбург, изд-во Уральского ун-та, 2013. С. 181–187.

М. П. Абашева

Пермь

МИКРОИСТОРИЯ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (СУДЬБА ОДНОГО ПЕРМСКОГО СЮЖЕТА)*

Интерес к микроистории как исследовательскому методу характерен не для литературоведения, а для современной исторической науки. В некотором смысле это результат анализа историками собственных устоявшихся риторических стратегий, рефлексии, стимулированной «лингвистическим поворотом» в гуманитарных науках. Все гуманитарные дисциплины обратились к критике своих объяснительных нарративов, влияющих, как стали считать, на исследовательские результаты. В исторической науке микроистория изменяет оптику и отчасти сам предмет изучения, обращаясь к истории «забытых людей», маргиналов, побежденных (так, Карло Гинзбург восстанавливает картину мира мельника, жившего в XVI в., по сохранившимся материалам инквизиции¹).

В филологических науках развиваются иные направления методологической ревизии (связанные, впрочем, с культурной историей). Прямое перенесение методов микроистории в филологию, как справедливо заметил Сергей Zenkin, невозможно: «В филологии XX в., богатой новыми направлениями и методами, так и не возникло никакого аналога микроистории, никакой “микрофилологии”. Действительно, как ни приближай исследовательский объектив к литературному тексту, он все равно останется интеллектуальным конструктом, а не материальным объектом; если перейти эту границу, то филология как таковая уступит место другой дисциплине – палеографии»². Это суждение справедливо: текст, в отличие от факта истории, – нематериальная сущность. Однако опыт микроистории может быть полезен в изучении истории литературы на другом уровне – если рассматривать последнюю как историю не только поэтики или идей, но и, например, мест, локальных обстоятельств и человеческих отношений – всей совокупностью экстралитературных факторов, связанных с появлением литературного текста.

В нашем случае детальный анализ малого литературного факта местной, пермской истории позволил обнаружить некоторые новые литературные тексты и персоны, литературные связи, несомненно, важные для будущей истории литературы. Именно последствия (жизненные и литературные) изучения этой микроистории заставляют обратиться к ней снова³.

* Статья выполнена в рамках проекта № 005-П Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Министерства науки и образования РФ.

© Абашева М. П., 2013

Все началось в 1965 г. с публикации стихотворения Беллы Ахмадулиной в «Литературной газете».

СЛОВО

«Претерпевая медленную юность,
впадаю я то в дерзость, то в угрюмость,
пишу стихи, мне говорят: порви!
А вы так просто говорите слово,
вас любит ямб, и жизнь к вам благосклонна», –
так написал мне мальчик из Перми.

В чужих потемках выключатель шаря,
хозяевам вслепую спать мешая,
о воздух спотыкаясь, как о пень,
стыдясь своей громоздкой неудачи,
над каждой книгой обмирая в плаче,
я вспомнила про мальчика и Пермь.

И впрямь – в Перми живет ребенок странный,
владеющий высокой и пространной,
невнятной речью, и, когда горит
огонь созвездий, принятых над Пермью,
озябшим горлом, не способным к пению,
ребенок этот слово говорит.

Как говорит ребенок! Неужели
во мне иль в ком-то, в неживом ущелье
гортани, погруженной в темноту,
была такая чистота проема,
чтоб уместить во всей красе объема
всезнающего слова полноту?

О нет, во мне – то всхлип, то хрип, и снова
насущенный шум, занявший место слова
там, в легких, где теснятся дым и тень,
и шее не хватает мощи бычьей,
чтобы дыхания суетный обычай
вершить было не трудно и не лень.

Звук немоты, железный и корявый,
терзает горло ссадиной кровавой,
заговорю – и обагрю платок.
В безмолвие, как в землю, погребенной,
мне странно знать, что есть в Перми ребенок,
который слово выговорить мог⁴.

В «Слове» автор исповедуется в немоте (одна из главных поэтических тем Ахмадулиной этого времени⁵) и пророчествует о чудесном мальчике-поэте и его городе.

Умноженное эхом аллитераций, в тексте звучит пятикратно повторенное имя города – Пермь: *претерпевая, пень, впрямь, пространных, пенью*. Необычен здесь загадочный адресат – мальчик из Перми, «владеющий высокой и пространной речью». Ему дано произнести слово, наделенное полнотой всезнания, едва ли не то, о котором сказано в Евангелии от Иоанна.

Кто этот мальчик, был ли мальчик на самом деле? Можно предположить, что он имел немаловажное значение в судьбе Беллы Ахмадулиной, коль скоро, впервые приехав в Пермь уже в 2007 г., через сорок два года, Белла Ахмадулина переписала это стихотворение, радикально изменив свой ответ тому же мальчику. Она назвала его «Спас полунощный» (опубликовано в майском номере журнала «Знамя» за 2008 г.). Оставив в неприкосновенности первые три строфы, Ахмадулина пишет новые четыре:

Он говорит, что устрашает сердце
Елабуги недалекое соседство,
что канет в Каму резвый бег ладьи,
что бродит он по улицам с опаской
и в сумрачный тридцатый день сентябрьский
не чтит Надежды, Веры и Любви.

Во времени, обратном Возрожденью,
какой ответ для мальчика содею?
Я просто напишу ему: – Прости!
Я – не наставник юных дарований.
Туда, где реет ангел деревянный,
пойди – его, а не меня спроси.

Там – выпукла прозрачной тайны сущность,
дозволившая непрестанно слушать:
уж Петр отрекся и петух пропел.
И кажется: молитвами своими
Скорбевший в полночь в Иерусалиме
с особой лаской помышлял про Пермь.

Всех страстотерпцев многогорькой Камы,
объемля их простертыми руками,
в превыспренных угодьях он упас.
Коль он часовню ветхую покинул, –
то лишь затем, чтоб отвести погибель
от чад земных, что будут после нас⁶.

Сохранив строфику, ритмику и лексический строй стихотворения 1965 г., Ахмадулина создала, по сути, новый текст, который с первым был поставлен в диалогические отношения. Получился своего рода диптих, запечатлевший одну и ту же лирическую ситуацию в двух разных ценностных и содержательных ракурсах. В «Спасе полунощном» автор в ответ на развернутую исповедь юноши твердо отвечает поучением: наставление о смысле жизни нужно

искать не у поэтов, а в обращении к сакральному первоисточнику истины, который находится тут же, недалеко от мальчика. Ему, обуянному неосознаваемой им самим языческой гордыней поэта, надо искать истину рядом, где «реет ангел деревянный», под куполом Пермского кафедрального собора, ибо «там выпукла прозрачной тайны сущность».

Три завершающие строфы стихотворения развивают круг ассоциаций, вызванных самым ярким в иконографии пермской деревянной скульптуры образом – Спасом полунощным. Так называют скульптуру Христа, заключенного в темницу в ночь перед распятием: Спаситель сидит в скорбном раздумье, на главе – терновый венец, правая рука его поднята, словно прикрывает страдающую от ударов щеку. В своем бытовании в церковных интерьерах фигура Спаса полунощного скрывалась обычно в резных деревянных часовнях – отсюда строчка о «ветхой часовне».

Стихотворение обозначило мировоззренческий поворот Ахмадулиной: от романтической темы голоса, дара, слова поэта как главной ценности – к смиренному признанию, что смысл слова – вне слова поэта, смысл диктуется иными ценностями⁷.

Но мальчик остался и во втором варианте.

Вопрос о загадочном мальчике в 1970 и 1980-е гг. волновал писателя Анатолия Королева, проводшего в Перми юность и молодость. Он пытался найти следы этого мальчика. Собирал, можно сказать, в рамках методов, родственных микроистории, устные истории о нем. Был, как выяснилось, мальчик, сын профессора математика Волковьского (и сегодня в Пермском университете существует стипендия памяти его отца). Анатолий Корольев записал историю о талантливом мальчике от пермских журналистов. Они выступали в пермской школе № 22, читали стихи. Наткнувшись на иронию какого-то молодого человека, призвали насмешника к ответу – одноклассники сказали, что он пишет стихи тоже. Юноша прочел свои стихи о Ван Гогe, сразив их наповал: Корольев записал их по памяти слышавших.

Однако следы взрослого Керима Волковьского затерялись. Те, кого Анатолий Корольев нашел, помнили немного: как-то этот Керим был знаком с Беллой Ахмадулиной, ходили даже слухи об их романе; чем он ее поразил – никто не знал наверняка.

Корольев даже написал об этом жизненном сюжете повесть – первую из вышедших у него после переезда из Перми в Москву – «Ожог линзы»⁸.

Эта повесть – о двух пермских мальчиках. У второго тоже был прототип. Редактор газеты «Пермский университет» Игорь Ивакин, как и Керим Волковьский, посылал свои стихи поэтессе. А. Корольев, который с Ивакиным был знаком, признается: «В главном герое, которого я, промучившись, назвал – Андрей Рукавичников (сохранив осколок имени Игоря Ивакина: КАВИ/ИВАК) черты Игоря смикшированы, это и он и не он, осталась его ранимость, явен лирический склад души, осталась его тяжелая поступь в ортопедическом бо-

тинке – без этой детали рассказ эмоционально мелел – но к характеру персонажа прибавилась взвинченность и нотка озлобленности, каковая прототипу несвойственна и еще, – после холодных раздумий, я лишил несчастливца Руквичникова поэтического дарования, он у меня все-таки графоман. Ранимый, да, чуткий, да, но не талантливый»⁹.

Счастливого же юного поэта, которым поначалу восхищалась красавица-поэтесса Агата Р., Королев назвал в повести Маратом Немцовым. Примечательно, что в фамилии героя проявлен мотив немоты – главный в стихотворении Ахмадулиной «Слово».

В ходе исследования этой микроистории помогли свидетельства ее участников.

Оказалось, что в 1966 или 1967 г. Игорь Ивакин был командирован на семинар редакторов молодежных газет в московский Дом журналиста. Для участников семинара была устроена встреча с Беллой Ахмадулиной, где Игорь впервые услышал стихотворение «Слово». По его воспоминаниям, Белла Ахатовна объявила: «Стихотворение мальчику из Перми». Впечатление было ошеломляющим, у Игоря шевельнулась надежда, что адресат – он, что она прочла посланные ей его опыты. В своих воспоминаниях 2012 г. он пишет: «Я один из первых послал записку с просьбой прочитать отрывок из поэмы “Дождь” и подписался “Мальчик из Перми”»¹⁰.

Набравшись смелости, он с большим трудом раздобыл телефон Ахмадулиной и позвонил ей. «Запинаясь, объясняя, что я в Москве в качестве редактора пермской университетской газеты, что был на замечательном концерте и даже записку послал с подписью “Мальчик из Перми”»¹¹. Предлогом для встречи стала студенческая дипломная работа Игоря «Гайдар и современная юношеская повесть», в одной из глав которой разбирался ахмадулинский сценарий фильма «Чистые пруды». Белла Ахатовна, к удивлению и радости Игоря, живо заинтересовалась и пригласила его к себе: «Ой, как интересно! У меня хоть сейчас и мало времени, я собираюсь в командировку, но с удовольствием приму Вас ненадолго. Любопытно почитать, что Вы там про меня написали, и как это связано с Гайдаром. Я совсем не понимаю, но Гайдара тоже люблю. Заходите часа в четыре...»¹² Однако долгожданный визит обернулся неустраивающей. Хозяйку пригласили к телефону – надолго, после она заторопилась на неотложную деловую встречу. Чтобы загладить неловкость, предложила поговорить обстоятельно через два дня и пригласила Игоря на дачу в поселок Советский Писатель в Красной Пахре. Игорь был в командировке, деньги кончались, но отказаться он не мог. Кое-как устроился в Москве и через два дня приехал по назначенному адресу. На даче никого не оказалось. Игорь прождал несколько часов – безуспешно. Чувство обиды и унижения было острым: «Я даже разрыдался», – вспоминает он. Характерно свидетельство в его воспоминаниях 2012 г.: Анатолий Королев, написавший «Ожог линзы», «очень метко озаглавил свою книгу, потому что я получил ожог души»¹³.

Однако необходимо было свидетельство главного участника истории, Керима Волкововского. В ходе долгих поисков от человека к человеку никак не удавалось найти этого ахмадулинского мальчика. Искали его одноклассников, соседей, друзей, на сайтах (случалось, говорили, что умер). В процессе поисков некоторые участники написали свои воспоминания – в итоге оказалось создано несколько новых текстов. Королев написал, по сути, новую повесть – «Ожог линзы. История текста» (2012). Литератор Лина Кертман, живущая в Израиле, – мемуары о друге юных лет Кериме, его знакомстве с Беллой; писательница Анна Бердичевская – рассказ о том, как она в Грузии говорила с Ахмадулиной о мальчике из Перми¹⁴, Игорь Ивакин, тяжело больной, издал книгу своих воспоминаний (цитируемых выше). И это – не считая устных рассказов.

Наконец, после долгих усилий Керим Волкововский был найден в Цюрихе. Его воспоминания об этой истории постепенно разрослись в большое мультимедийное произведение в трех частях, названное им «Мальчик из Перми».

Оказалось, Керим встречался с Беллой Ахмадулиной и показывал ей свои первые стихотворные опыты. В первый раз – еще школьником, в 1963 г., будучи проездом в Москве. Сначала он хотел показать свои стихи кумиру поколения Андрею Вознесенскому, того не оказалось дома, знакомые нашли адрес Ахмадулиной. Встреча состоялась на даче в той же Красной Пахре, куда так неудачно приезжал другой пермский мальчик, Игорь Ивакин. У Керима даже сохранились фотографии этой встречи, сделанные присутствовавшим там Павлом Антокольским. Керим вспоминает: «Я на седьмом небе, а Павел Георгиевич Антокольский нас на этом самом небе фотографирует и все повторяет, протирая слезящиеся глаза: “Какая Белла, наша Беллочка, прекрасная поэтесса, прекрасная женщина, ах, какая наша Белла, красавица, о!...”»¹⁵.

Далее Керим описывает свою влюбленность, звонки и письма, стихи вроде: «Ненавижу десятилетие, / Не дающее мне любить!» Потом Керим Волкововский поступил на мехмат в МГУ и не раз, по его свидетельству, встречался с Беллой Ахмадулиной, приносил новые стихи, приводил с собою друзей. Потом он уехал в Ташкент. Помнил, что была еще переписка с поэтессой – но письма, к сожалению, им были утрачены. Однако одно письмо все же нашлось у московской подруги Керима! В нем – характерный почерк и узнаваемая ахмадулинская интонация:

«Милый мой Керим!

Не знаю, зачем это я все не пишу Вам с таким жестоким нахальством, – я Ваши письма люблю и ценю. Я ездила много, писала мало – вот и Вам не писала, простите мне Ваше долгое ожидание, а слов не имею, чтобы Вас за него вознаградить.

Во всяком случае, поверьте, что душа моя везде в Вас принимает участие и душе Вашей желает милости и радости.

Не утруждайте себя печалью.

И на меня не гневайтесь, я Вам сразу же как-то внутри, отвечаю, когда читаю Ваши письма, Вам это не заметно, но Вы мне поверьте на слово и продолжайте писать – и вообще, и мне.

Нежный всем привет!

Белла

Сейчас – первый в этом году гром и милое помрачение неба».

Потом была долгая жизнь. Керим закончил МГУ, работал в подмосковной Черноголовке, защитил диссертацию по математике. В 1981 г. уехал из России в Швейцарию. Стихотворения «Спас полунощный» он не знал и был настолько взволнован продолжением истории, что по прошествии многих десятилетий снова начал писать стихи.

Жизнь сама дописала сюжет повести Анатолия Королева «Ожог линзы» о двух поэтах, «Счастливец» и «Несчастливец», как он назвал их в своей «Истории текста». Небольшая подборка стихотворений гражданина Швейцарии Керима Волкововского (прототипа Марата) была опубликована в пермском журнале «Вещь»¹⁶. Журнал вышел ровно в те дни, когда умер Игорь Ивакин (прототип Андрея), успевший за два месяца до смерти закончить свои воспоминания.

Такова история, сопутствовавшая появлению двух стихотворений Беллы Ахмадулиной и повести Анатолия Королева, сошедшихся в пространстве Перми¹⁷.

В итоге сложился корпус взаимосвязанных литературных текстов. Стихотворение Беллы Ахмадулиной 1965 г. «Слово» стало центром текстового гнезда, объединившись в диптих со стихотворением 2008-го «Спас полунощный». По мотивам первого и связанной с ним городской легенды родилась повесть Анатолия Королева «Ожог линзы» 1988 г., повлекшая через много лет его же «Историю текста» 2012-го. Сами поиски побудили к письму еще ряд авторов: написали воспоминания писательница Анна Бердичевская, литератор Лина Кертман (подруга юности Керима Волкововского). Наконец, сами прототипы повести Королева – Игорь Ивакин и Керим Волкововский (адресат Беллы Ахмадулиной) – написали собственные тексты. Литературные персонажи стали авторами.

Изучение литературно-бытовой микроистории, таким образом, позволило выявить неустановленные ранее литературные связи писателей (не личные, а тематические), установить литературных прототипов. Думается, описанная история вполне может стать основой нескольких звеньев в истории русской литературы – как региональной, так и российской.

Примечания

¹ См.: Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000. См. также: Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. М., 2004.

² Зенкин С. Микроистория и филология // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 2006. М., 2007. С. 367.

³ См.: *Абашев В., Абашева М.* А был ли мальчик из Перми? Литературное расследование // Новый мир. 2012. № 10. С. 118–132. После публикации статьи выявились новые обстоятельства, участниками этой литературной истории были созданы новые тексты, рассмотренные в настоящей работе.

⁴ Литературная газета. 1965. 27 ноября. С. 12.

⁵ См., напр., стихотворения «Ночь», «Немота», «Другое» (1966).

⁶ Знамя. 2008. № 5. С. 5.

⁷ Подробный анализ стихов см.: *Абашев В., Абашева М.* Указ. соч.

⁸ *Королев А.* Ожог линзы : повесть. Рассказы. Роман. М., 1988. Подробный анализ повести см.: *Абашев В., Абашева М.* Указ. соч.

⁹ *Королев А.* Ожог линзы. История текста : рукопись. М., 2012.

¹⁰ *Ивакин И.* Куда жить? Путешествие из точки А в точку... Книга воспоминаний. Пермь, 2012. С. 71.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Там же. С. 75.

¹³ Там же. С. 76.

¹⁴ Рукописи находятся в архиве автора настоящей статьи и готовятся к публикации.

¹⁵ *Волковыцкий К.* Мальчик из Перми : рукопись.

¹⁶ *Волковыцкий Керим.* Лодка (поэзия) // Вещь : литературный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://veshperm.wordpress.com/>

¹⁷ По удивительному совпадению, каких немало в этой истории, в том же майском номере «Знамени» за 2008 г., где опубликовано стихотворение Беллы Ахмадулиной «Спас полунощный», публикуется и повесть Анатолия Королева «Сгинь, коса!».